

в чем-нибудь разрешающем и успокаивающем. Чего могут они ждать от Паскаля, который... восклицает: «Иисус будет в агонии до конца мира» и т. д. («Гефсиманская ночь»).

Эти слова Шестова о Паскале вполне применимы и к Шестову. Любопытную характеристику его мне пришлось прочесть не очень давно в «Руле», в рецензии Б. Каменецкого о первом сборнике «Окно»⁵: автор упрекал Шестова в том, что он «никуда не идет», что раздражает «его вечная праздность», что вообще «глубокой бесплодностью отличаются досуги его мыслей, и никак не поймешь, чего он собственно хочет... Когда приходишь к концу его страниц, то не знаешь, приобрел ли ты что-нибудь или нет, и не обогатил ли он только твой ум новыми недоумениями.

Это очень верно; и, думаю, сам Шестов не будет возражать против подобной характеристики. Да! «Бесплодность», «праздность», «ненужность»... «Ничего положительного...» «Одни недоумения...» В сущности, большинство читателей так именно и оценивает Шестова: блестящий писатель, но... где же выводы? Таково же, в конце концов, отношение наше к Паскалю и к Ницше: гениальные поэты, великолепные стилисты! При чем же тут, однако, философия?.. Шестов еще и подчеркивает: «Опыт о философии Паскаля...» Ведь всякий ученый знает, что философия есть систематическое мышление о мире!

Эти недоумения и раздражения — вполне понятны: нам удалось кое-как скрасить ужас бытия приятными снами, но вот приходит некто и мучает, будит, зовет... Куда? Зачем? Он и сам не может объяснить: ведь «объяснить» — значит вновь подпасть под власть «системы», логики и снова «уснуть». И все же, в призыве этом тайное очарование и смутный, но дивный обет.

Г. Л. ЛОВЦКИЙ

«Гефсиманская ночь» Льва Шестова.

La nuit des Gethsémani. Essai sur la philosophie de Pascal par Leon Chestov

Среди многочисленной литературы, возникшей по случаю трехсотлетия со дня рождения Паскаля, особенное внимание и горячие похвалы французской критики вызвал этюд Льва Шестова, появившийся впервые на французском языке в прекрасном переводе Экземплярского.

В небольшой по объему книжке освещается трагедия философских исканий великого французского мыслителя и предпринимается попытка перекликнуться на расстоянии веков во тьме окружающей нас

ночи с родственным по устремлениям философом. И не только с Паскалем: собственный опыт Шестова как бы пропускается через души Ницше, Лютера, Тертуллиана, ап. Павла, пророка Исаии, и обогащаясь по пути новыми звучностями, он вырастает в мощную любимую тему Шестова о грехопадении.

Созвучие душ Паскаля и Шестова несомненное и оно выявлено с той остротой и тем дерзновением, к которым нас приучила мысль Шестова, не останавливающаяся ни перед какими логическими противоречиями, ни перед какими неприглаженностями.

Короткая жизнь Паскаля, в переизбытке наполненная болезнями и страданиями; отчаянная попытка примирить веру с разумом — вплоть до доказательства существования бога при помощи теории вероятностей; и объявление непримиримой войны тому же разуму, объявление войны «вечным» имматериальным истинам, богу Декарта, давшему толчок и пустившему в ход механизм вселенной, богу философов, с бесстрастностью автоматического начала воздающему за грехи — такова в кратких чертах история философских исканий Паскаля. Философ в нем победил ученого, и мы вместо законченного оправдания божества, вместо «Апологии христианства» получили хаотическую разрозненность его «Мыслей». Но что особенно роднит французского мыслителя с певцом «Апофеоза беспочвенности», это та пропасть, которую Паскаль видел возле себя и от притягательной силы которой он отгораживался до тех пор, пока не полюбил ее и не научился без содрогания заглядывать в ее бездонные дивные глубины.

Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы...¹

Прислушаемся к Паскалю-Шестову, и они нам скажут, что мы, с такой болезненной чувствительностью реагирующие на повседневные мелочи жизни, потеряли чутье к самому важному: надо с себя стряхнуть сверхъестественную спячку ленивого плетения кружева мыслей по логическим законам, стряхнуть самыми нелепыми способами, хотя бы заклинаниями, чары того заколдованного царства, в тесных пределах которого мы движемся с жуткой уверенностью сознательных автоматов. Страшная опасность угрожает миру: если уснут и немногие «избранные», немногие «мученики», как уснул апостол Петр в великую памятную ночь, то все жертвы, все страдания «песка морей тяжелее»² были напрасны и смерть восторжествует окончательно и навсегда (160–161).

Сверхъестественный подвиг не под силу человеку повседневности, но тяжелое бремя, принимаемое на себя добровольно иль невольнo трагическим философом: бодрствовать и неусыпно бодрствовать за нас.

«Гефсиманская ночь» для Шестова, конечно, не поэтический образ, а символ нечеловеческих, сверхчеловеческих страданий, которые на себя принимает философ, добывая свою истину. Не оттого ли мы с такой легкостью прибегаем к какому-нибудь общему началу, не оттого ли мы ищем успокоительных объяснений, что хотим хотя бы в воображении связать распавшуюся связь времен? Недружелюбно смотрит традиционная философия на мыслителя, который нас беспрерывно тормозит, будит от сна в общем благоустроенном аристотелевском мире. Иным «печной горшок» попросту дороже этой непрерывной встряски человеческих душ; другие в такой степени озабочены приспособлением философии к текущему моменту, созданием прагматической идеологии, что не в состоянии раз навсегда отделить действенную силу этических, общественно-правовых норм от философских исканий, где мы являемся не действующими лицами, сознательно избирающими свою линию поведения, а подневольными участниками великой трагедии, разыгрывающейся на мировой арене. В повседневности мы слишком обращаем взоры долу и «бежим беззаботно к пропасти, предварительно поместив пред собой что-нибудь, чтобы не видеть ее» (Паскаль)³. Но философ трагедии как раз разрушает все преграды, которые в таком изобилии воздвигает наш изобретательный разум: «его страшит, но и привлекает вечное молчание бесконечных пространств», куда он, «жалкий мыслящий тростник», брошен, его тянут к себе бездонные глубины, и там, где повседневность ходит, ощупывая под собой на каждом шагу твердую почву, там он стремится вознестись и оторваться окончательно от прочных установок, от иллюзорных вечных истин. И он «ищет в муках страдания»...

Таков уж удел истины, сошедшей на землю, ставшей достоянием повседневности, на потребу всем — быть замученной грубыми всепонимающими руками, пасть жертвой какого-нибудь общего начала. В глазах философии обыденности высшая цель человека должна заключаться в подчинении законам разума и разумной морали. Паскаль, говорит Шестов, был одним из тех редких, загадочных избранников, которые почувствовали, что «покорность» есть начало всех ужасов земных, начало смерти. Закон пришел, и умножилось преступление, говорит ап. Павел; закон — это молот в руках Господа, сокрушающий естественную в человеке уверенность, что над живыми существами господствуют вечные, имматериальные, суверенные принципы. Закон пришел, когда человек, забыв повеление Господа, вкусил от плодов дерева познания добра и зла — от всех этих бесчисленных *puer, inertum impossibile*, на которых держится наша наука, наше знание. «Свет» знания приносит с собой человеку чувство его ограниченности. Пока не было «света», до грехопадения, все было возможно, все было «хорошо весьма»; были начала, но не было концов, и слово «необходи-

мость» имело также мало смысла, как теперь имеет слово «свобода». Свет познания приносит с собой стыд пред райской наготой и боязнь земной смерти. Все это невозможно объяснить людям. Всякое объяснение, всякая ясность и отчетливость в духе Декарта способствует появлению того, от чего надо освободиться и против чего надо бороться. Наш разум срывает покров со всех тайн, он нам только не показывает пропасти под нашими ногами (118–121).

Книжка Шестова богата напряжением значительного содержания и держит в таком же напряжении читателя, начиная с необыкновенного эпиграфа и кончая удивительным переплетением загадочных откровений философии Шестова с интимной мелодией Паскаля.

П. ГАЙДАМОВИЧ <Л. М. ДОБРОНРАВОВ>

Письмо из Москвы. Маленький фельетон

«Знаменитые в своем роде писатели Аросев и Коган протестовали против того, что на Международном Конгрессе писателей в Париже русскую литературу представляли Бунин, Куприн и Шестов...»¹

«Дорогие товарищи, и пишу вам письмо, как есть мы литераторы, которые солидарные и очень даже хорошо понимаем, куда антанта заворачивает со своей окровавленной мордой и через это многие белогвардейцы очень даже нахальные.

Мы, всякие литераторы и ученые и которые даже с рабфаков ничем не можем терпеть такие фигли-мигли, как есть тут интрига и опять же международный капитал.

А мы находимся в полном расцвете и можем сами нос утереть, кому надо, а не то, что за нашу могучую литературу представлялись Бунин, Куприн или, скажем, Шестов. Этого зловредного Шестова я знаю! Он пишет — хоть мозги выкрутить — не понять. Но только нас не проведешь, потому мы сами кумекаем, которое клонящее к благу и которое не клонящее.

Скажем так: кто такой Бунин? Помещик. А Куприн? Офицер. Обои, стало быть, как есть чисто белогвардейцы и индифферентные до протарелиата и очень даже зловредные и мы это позволить никак не можем. Мало у нас что ли разных писателей? За себя я не говорю. Я не как Ванька Зудилин. Написал две поэмы и девчонок с толку сбивать, будто конструктивная его поэзия. А скажу за нашего Демьяна Бедного². Вот бы ему в Париж, да басню бы там за Европу! Матом бы